

Обреченный

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ляудзы Дзень

Ляудзы Дзень
Обреченный

«Автор»

2020

Ляудзы Дзень

Обреченный / Ляудзы Дзень — «Автор», 2020

Жизнь - странная вещь. Сегодня ты жив, завтра заболел, а послезавтра тебя нет. Но что если всё, что у тебя есть, это только сегодня, а завтра так призрачно и неясно, что ты не знаешь, будет ли оно у тебя? В качестве обложки использована фото, сделанное самим автором. Содержит нецензурную брань.

© Ляудзы Дзень, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ляудзы Дзень Обреченный

Навсегда расстаемся с тобой, дружок.

Нарисуй на бумаге простой кружок.

Это буду я: ничего внутри.

Посмотри на него – и потом сотри.

Иосиф Бродский (с)

Вместо пролога

«Мне так страшно. Я не хочу умирать. Мне очень страшно. Я столько раз избегал смерти, но сейчас... Неужели это конец? И она не спасёт меня? Никто не спасёт. Нет. Хотя бы ещё один раз увидеть её глаза, в последний раз. Мне нравится её голос и руки, что касаются меня здесь, где сердце, и там, где никто никогда не дотрагивался до меня... До моей души...»

– Давление падает!– Кто-то кричит из медицинского персонала.

– Дыхание! Он перестаёт дышать! Судороги!– «Последний раз увидеть её, услышать, ощутить...»

– Кислород! Адреналин!– «Где же ты? Приди. Прошу...»

– Давление ниже 80! – «Я не чувствую ног, я не чувствую себя... Где же ты...? Всё как в тумане...»

– Пропустите! – «Это её голос...!»

– Давление поднимается!

– Я нужна ему!

– Ли...! – Шепчу я, хотя хочу кричать, но голоса нет. Веки слишком тяжелые, не могу открыть.

– Я здесь, я здесь.– Говорит она. – «Пальцы прохладные, как всегда...»

– Ли... – Хриплю я и с трудом открываю глаза. Вижу её глаза, они большие и печальные. Она знает, и я знаю. – Ты пришла... – Еле шевелю губами. – «Нет, не то, не то. Я хочу сказать другое, совсем другое...».

– Да. Держись, ты выживешь.– Говорит она и сжимает мою ладонь сильной и в то же время такой хрупкой, маленькой рукой.

– Давление вновь падает!

– Я ухожу... – Шевелю губами, не слыша своего голоса. Все суетятся.

– Нет. Нет.– Говорит она, хотя её глаза выдают её. Она тоже это понимает.

– Мне страшно... – Она сжимает мои пальцы и кладёт другую руку на грудь. Она всегда угадывает, где у меня болит. От её прикосновения становится сначала холодно, потому что её пальцы прохладные, но потом медленно, как если бы солнце было электрической лампочкой, растекается и набирает мощность тепло.

– Не надо... – Хрипло говорю я. – Не в этот раз.

– Не смей сдаваться! – Не повышая голоса, говорит она, но я слышу в её словах тот же страх, что и во мне самом.

– Взять кровь на кщс!

– Я устал от вечной боли... – Мне тяжело говорить, но я заставляю себя говорить. – Всё, что было в моей жизни лучшее, это ты...

– Прекрати.

– Не надо... – Прошу её. Видно, она видит, как мне тяжело и замолкает. – Я знаю, что ты добрый и сострадающий человек... – Я начинаю задыхаться. – «Нет, мне нужно сказать... Ещё немного времени...»

– Лилиан, отходи! Всё, это конец! – Кто-то тянет её от меня.

– Нет...! – Хрипло стону я. – Нет...!

– А хрен с вами! – Ругается врач и отбегает от моей кровати. Суэта поуменьшилась, во мне опять дырки и провода от капельниц и мониторов, что тикают и шипят вокруг нас.

– Надень. – Просит она, освобождая руку и надевая мне кислородную канюлю.

– Я должен сказать... – Шепчу я. – Я люблю тебя... – На выдохе произношу я. – Я знаю... ты... не любишь меня... Калеку любить сложно... Ты красивая и добрая... Я говорил... Но я...

– Тише, тише... Дыши. – Шепчет она в ответ.

– Руку... – Тянусь я к её руке. У меня совсем не остаётся сил. Не мои измученные легкие и мышцы, они устали, я устал бороться. Она вкладывает свою кисть в мои пальцы, я сжимаю их, не так сильно, как бы хотел.

– Прости...

– Не смей умирать! – Приказывает она мне. – Не смей!

– Прости...

– Не смей! Сегодня мой день рождения. – Глаза её сухие, она не плачет, в них волнение, возмущение. Нет слёз. – «Это хорошо... Значит, она не будет долго обо мне плакать». – Думаю я.

– Извини...

– Не принимаются! – Серdito говорит она, хотя я вижу, что она совсем не сердится.

– Поцелуй меня... ещё раз... в последний... – Прошу я. Она наклоняется и целует в щеки, её губы теплые и немного шероховатые, как язык у кошки.

– В губы... – Прошу я. Она смотрит в мои глаза, я вижу своё отражение в её глазах: худое, бескровное почти лицо, впалые щёки и синева под глазами, всклокоченные волосы на голове, большие затравленные глаза, мои глаза.

– Пожалуйста... – Она наклоняется еще ниже, наши носы соприкасаются, я слышу, как часто она дышит, как пальцы руки, что сжимают мою руку, напряжены, как бьётся венка на её виске и как расширены зрачки. От неё всегда исходит такой приятный аромат карамели или может эта ваниль... Вот её губы касаются моих потрескавшихся губ, и она проводит языком по моей нижней губе. Мои губы открываются её губам навстречу, и я прикрываю глаза.

Её поцелуй нежный и неглубокий, я понимаю, она боится причинить мне боль, но я хочу в последний раз ощутить всю полноту её губ и без предупреждения врываюсь в её рот своим языком, шарю по её губам как безумец. Возможно, я и есть безумец, но я так хочу чувствовать себя живым в этот миг, в эти секунды. Мои губы становятся тверже, она это чувствует и не сопротивляется. Она слишком хорошо всё понимает и позволяет мне делать в эту секунду всё, что я захочу.

В конце я смягчаю свой напор и ласково отстраняюсь от её губ, я почти в полуобморочном состоянии, это забрало все мои силы, перед глазами мушки и в ушах шумит. Она отстраняется от моих губ, но соприкасается со мной носом и лбом.

– Спасибо... – Еле слышно шепчу я. – Теперь не так страшно у... – Меня пронзает боль, которую я ещё никогда не испытывал, и я понимаю, что это мой конец. Я хочу кричать, но не могу, я судорожно сжимаю её ладонь. Мониторы пищат, а я смотрю в её лицо, в её глаза и вижу в них слёзы, а затем я перестаю быть... Последнее, что я слышу, этот как стучит её сердце в моей руке...

Трагедия человека отчасти заключается в том, что его развитие никогда не завершается; даже при наиболее благоприятных условиях человек реализует лишь часть своих возможностей, ибо он успевае́т умереть, прежде чем полностью родиться.

Эрих Формм (с)

Глава 1

Она влетела как вихрь в палату со словами:

– Доброе утро!– В шапочке и в маске, что была спущена и открывала её лицо. Цветастый костюм и на ногах не по форме, хотя я не разбираюсь в медицинской обуви, но, кажется, это точно не медицинская, так как на ней была изображена парочка Микки и Минни Маус, тапочки.

– Мелов? – Спросила она. Я кивнул.

– Ну-с, колоться. – Продолжила она так же бодро, как и открыла дверь, чуть её не снеся с петель, впоследствии я привыкну к её манере входить, но сначала меня это немного испугало или, может, удивило, подходя к кровати и ставя на неё коробочку или как это у них там называют. Я приподнялся с кровати, глядя на неё. Она, видно, не заметила моего взгляда, обрабатывая перчатки антисептиком и готова всё для забора крови.

– Палец. – Скомандовала она. Я протянул ладонь, предоставляя ей самой выбрать, какой палец колоть. Почему-то она всегда колола только безымянный или мизинец. Наверно, у них там по правилам это что-то означает, раз другие не колют.

– У вас дыривка есть? – Спросила она, обращаясь ко мне. Я сначала не понял, поэтому смолчал. Она, недолго думая, уколола меня скарификатором, признаюсь честно, было неприятно, но не так больно, как я ожидал. Железные скарификаторы – это вообще такая брр...

А она тем временем проворна, набрала кровь и, поместив её в какую-то пробирку с прозрачной жидкостью, приложила к моему пальцу ватку, смоченную спиртом, встряхнув свою ношу, поместила в коробочку. Взяв её в руки, она, почти отвернувшись от меня, сказала:

– Усё, до двенадцати, – и, прикрыв дверь, так же громко, как и открыв её, ушла. Я безмолвно сидел на кровати. Всю свою жизнь я только и делал, что разъезжал по больницам и госпиталям. Меня почти постоянно докучает дискомфорт и одиночество, хотя со вторым я справляюсь легче, так как есть интернет, я так этому рад. Но первое меня мучает чаще, чем второе.

Конечно же, я не один, всю мою жизнь рядом со мной мама, и из-за этого я тоже порой себя чувствую ужасно, потому что без неё не могу. Я так беспомощен иногда, что даже не могу пошевелить рукой или ногой, и это меня убивает сильнее, чем тот дискомфорт, что почти всегда со мной.

Но лежать долго и предаваться бранным мыслям о том, что я болен и это не лечится, точнее, не лечилось в прошлом веке, даже несколькими десятками лет ранее, мне не дали, так как в палату зашла процедурная медсестра, не так громко и рьяно, как до этого незнакомка, и сказала:

– Мелов, в процедурный на кровь. – Я сполз с кровати и, сунув ноги в шлепки, поплелся в туалет. Здесь я недавно, всего пару дней, и меня уже успели исколоть и запретить и так половину того, чего я не ем. Открыв кран и плеснув прохладной воды в лицо, я стал умываться.

Прохладные капли стекали с моего лица и падали вниз в раковину. Я уже давно не смотрю на себя в зеркало, ибо не хочу видеть себя.

Закрыв кран и осушив лицо и руки полотенцем, я выполз из санузла, мама уже ждала меня в палате.

– Тебя звали. – Сказала она мне.

– Да. Я иду. – Чуть раздраженно отвечал я, хотя сам не знаю, почему так ответил. Я давно заметил за собой, что я грублю без причины и отвечаю резкостью на слова матери, да и не только её слова. И самое печальное, что я ничего не могу с собой поделать. В процедурном Наташа, так зовут женщину, ей где-то за сорок точно, по батюшки её не знаю, как всегда уколола мою тощую руку и сказала:

– Э, Мелов, куда всю кровь дел?– Крови, правда, не было пару секунд, но вот струйка брызнула в пробирку с фиолетовой крышкой, и та медленно стала заполняться.

– Я жадный. – Хрипло ответил я.

– Да, заметно. – Отвечала Наташа. Она была женщиной боевитой и в карман за словом не лезла. Наверно, так и надо с нами, ведь и мы не такие уж ангелы. Когда кровь взяли, я вновь вполз в палату, мама принесла, как обычно, безвкусный завтрак – овсяная каша, чай и хлеб с маслом. Как я устал от этой еды и от того, что у меня скачет этот долбаный сахар.

Поев без удовольствия и без наслаждения, я поплелся вновь в процедурный за инсулином. Получив дозу, как наркоман, я вновь вернулся в палату, в 11 или около того пришёл мой лечащий врач и сказал, что мне нужно пройти. Он сказал, что я ещё молодцом, что обхожусь без кислородной маски или канюли. Может, конечно, он просто преувеличил, а может, нет, но в любом случае я так долго не протяну, если мне не пересадят легкие.

Наше общество – это общество хронически несчастных людей, мучимых одиночеством и страхами, зависимых и униженных, склонных к разрушению и испытывающих радость уже от того, что им удалось «убить время», которое они постоянно пытаются сэкономить.

Эрих Фромм (с)

Глава 2

Время пролетело незаметно, вообще иногда в больницах оно тянется либо слишком долго, либо слишком быстро. И вот без пяти двенадцать вновь влетела она. Эта её манера входить в палату очень странная, такое ощущение, будто она куда-то бежит или кто-то за ней бежит, а она убегает.

– Мелов. – Говорит она звучным голосом, свет из окна дня освещает ее, и я рассматриваю её лучше. У неё худое, но не аскетичное лицо, в отличие от меня, большие карие глаза, темные брови и волосы. Сейчас она без шапочки и всё с также приспущенной маской, кажется, она шатенка, но я не уверен. Сама фигура её тонкая, и почти нет груди, хотя она не кажется тростинкой.

Как и с утра, она подходит ко мне, и тут я понимаю, что не хочу, чтоб она меня колола железякой. Тянусь к тумбочке и достаю футляр с глюкометром и ланцетом.

– О, у вас свой! – Говорит она. – Отлично. – Протирает палец спиртом и добавляет:

– Колите. Я повинуюсь. Она делает всё быстро, и я не успеваю даже ничего сказать.

– До трех. – Как и в прошлый раз, она разворачивается и уносится прочь, а я сижу и смотрю в пространство напротив себя. Всё, что мне остаётся, это только ждать и больше ничего. Я знаю, что мне может и не повезти, что донора на легкие может не быть, и что тогда я... Нет, я не умру от старости, я умру раньше, с моим диагнозом живут как максимум до 30 лет, может больше, и, однако, мне не хочется умирать, хотя и то, как я живу...

Я могу погружаться в интернет и общаться с такими же, как я там, и с нормальными людьми, которые не нуждаются в пересадке или которые не родились с этим, но иногда это надоедает. Надоедает бездействие, то, что я не могу никуда пойти, мне в любую секунду может стать хреново, и я где-то упаду. Мне иногда становится жалко себя, хотя я живу с этим всю сознательную жизнь, но мне жалко себя. Я – эгоист.

В три часа дня она не пришла, пришла другая женщина. Я потом уже узнал, что она работает каждый день с напарницей, а вечером ходят суточные лаборанты. Ночами в больницах тихо. И в этом месте не было исключений. Я сплю иногда хорошо, но чаще плохо, сто раз проснусь. А иногда бывает меня охватывает беспричинная паника, и я начинаю задыхаться, или сердце заходится так быстро, что всё темнеет в глазах.

Вообще у меня диабет на фоне моего заболевания, а мое заболевание это муковисцидоз, генетически обусловленное и лечится только пересадкой легких, которые я и жду. Нет, я пока могу дышать своими легкими, но с каждым годом или даже месяцем состояние моё ухудшается.

Я мало ем, потому что мне и не хочется, и потому что всё, что я ем, это не всегда вкусно, и мне иногда не хочется есть. Приходят в голову мысли: «А что если подождать или пропустить инъекцию инсулином или наоборот...?» Но почему-то меня всегда это останавливает. Наверно, я трус, потому что как бы я не страдал и не говорил тут сейчас, что моя жизнь меня не устраивает, я не хочу её лишиться. Плюс я бы не был сейчас в этом учреждении и не ждал бы с надеждой, что кто-то по факту умрёт и его легкие достанутся мне, если бы, в самом деле,

хотел умереть и не продолжать ныть, грубить и трепать нервы своей матери. Да и она тоже не согласилась бы меня отпускать, ведь я её сын, единственный ребенок...

Просто немного свети...

Автор неизвестен.

Глава 3

На следующий день она вновь пришла, но не была такой веселой, как вчера. Хотя, конечно, это не моё дело, и у меня своих хлопот хватает. Хотя каких хлопот? Сидеть и ждать, пока кто-то издохнет: я или тот, кто подойдет мне в качестве донора? Сарказм. Да, я ужасный человек, ещё и нервный и язвительный.

– У тебя что-то случилось? – спросил я у неё. Она делала всё как обычно, чётко, но не так быстро, как вчера.

– Нет. – ответила она мне. – А у вас?

– Норм. – отвечал я.

– Ну хорошо. – сказала она и посмотрела на мою голую грудь. В отличие от её рук, они всегда у неё чуть прохладные, как я позже это заметил, мне было жарко. Был конец сентября, и погода была не совсем отвратной. Хотя, может, так препараты действовали, но мне было всегда ужасно жарко, поэтому я спал без футболки.

И так, бросив мельком свой взгляд на моё голое тело, она взяла коробочку и ушла, я вновь остался один в палате, не считая мамы. Иногда мне очень хочется, чтоб мама не была так часто в палате. «О чём я думаю?» – подумал я тогда, когда дверь за ней закрылась. Вторая проблема всех больниц – это время, которого либо завалом, и оно тянется очень долго, или наоборот, и скука.

Скука просто невыносима, когда устаешь сидеть в интернете, переписываться, смотреть видеюшки на «Ютубе», тогда начинается ад. Да, можно почитать книжку, статью, но и это скоро надоедает, особенно когда ты лежишь, как полено, и тебе лень перевернуться или встать.

Но первую или, может, вторую неделю моего пребывания в этом месте я ходил, меня обследовали, я сидел в очередях, было по-своему «весело» и скучно. Познакомился с другими, кто лежал в легочном отделении. И я понял тогда, что я могу не дожидаться легких, страх – вот ещё одно зло, что преследует меня. Мне страшно умирать, хотя об этом я тоже уже говорил, но это совсем иного рода страх.

Страх не дожидаться никогда органа. О, я еще тогда не знал, что бывает и страх и после того, как пересадку сделают, что и после неё умирают. Хоть наш лечащий врач это говорил мне с матерью, что вероятность и того, что мне может не повести, и того, что я буду ждать годы своего донора, но и то, что может быть отторжение органа, велика, и никто не поручится за 100% эффект и гарантий не даст... Что можно потерять и новые легкие, этот страх сильнее.

Но сейчас я просто сидел и ждал возле кабинета, время шло, неделя подходила к концу, и она больше не заходила ко мне. Я уже забыл о ней, этих лаборанток много в институте, каждый день вечером кто-нибудь новый да и придёт, это я потом их уже стал узнавать, а сейчас они мне были все на одно лицо, что молодые, что среднего, что пожилого возраста.

Кажется, была середина октября, когда она вновь как-то утром, часикам к 10, пришла и сказала:

– Мелов, колотьяся. Не на сахар.

– А на что? – спросил я, причём я вновь был голышом, мама была в палате и тоже спросила этот вопрос.

– На кислород. – ответила она. Сегодня она была спокойна и даже немного скучная. Вообще она была не особо разговорчива, и она всегда обращалась ко мне на «вы».

– Я своим проколю. – замотала она головой, когда я потянулся за ланцетом. – Потерпите чуть-чуть. – добавила она и уколола. Да, было больно.

– Ну всё, всё. – шепнула она, не то успокаивая меня, не то себя, и начала набирать кровь в длинную прозрачную трубочку. У меня кровь шла хорошо, поэтому она справилась с этим делом быстро.

– Прикладываете вату. – попросила она, закрывая концы трубки какими-то резинками. Я смотрел на нее, а она смотрела на капилляр, взяв коробочку в одну руку, она другой ловко открыла дверь и, как всегда, унеслась дальше по коридору.

А спустя какое-то время пришёл лечащий врач и сказал, что мне стоит подышать кислородом для профилактики. Я чувствовал себя нормально относительно, если не считать вечный дискомфорт, скуку и одиночество, а она так больше и не появлялась.

Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы. Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы... В момент, когда вы возлагаете вину на что-то, вы подрываете собственную решимость что-нибудь изменить...

Иосиф Бродский (с)

Глава 4

С того дня осени я стал частенько «прикладываться» к кислородной канюли. И это значило только одно, что моё состояние медленно, но верно ухудшалось. Было рано утром, где-то около 8 часов, понедельника, октябрь подходил к концу, а я уже находился здесь около 2-х месяцев, и вот я услышал пение. Я ещё очень удивился, кто в такую рань поёт. Пел девичий голос, слов не возможно было разобрать, но видно песня была печальной, потому что голос был громким, но не веселым и он приближался.

Я привстал с кровати, мать еще спала, и постарался её не разбудить, выйти в помещение между палатой и туалетной комнатой. Кое-как, встав с постели и шаркая ногами, я добрёл до двери. Голос приближался и слова стали четче.

«...Видно долю горькую мне судьба отмерила. Называл единственной, стала не любимая. Что же ты, черемуха мою душу ранила, закружила голову, сердце одурманила. Белая черемуха, над водой качается. От чего хорошее, скоро так кончается. Заплела черемуха, кружево венчальное только слёзы по щекам кататься хрустальные...» – Услышал я, как раз выглянув из-за двери в коридор, мимо прошла, не промчалась, как это обычно с ней бывает, та самая девушка, что ходила ко мне колоть пальцы.

В её ушах были наушники и она, идя по коридору, распевала песню. – «Хм, я даже не знаю, как её зовут».– Понял я тогда, потом не стало интересно, куда это она идёт в такую рань. – «А у нее приятный голос».– Продолжили мои мысли. Песня, как и неизвестная девушка, скрылись и я, прикрыв дверь, вернулся в свое полуживое царство.

Сев на кровати и смотря, как спит моя мама, я вдруг понял, что. – «А песня-то печальная. Значит ей грустно. А так и не скажешь».– Впоследствии я иногда слышал, как она поёт, пока никто её не видит и не слышит, как она думает. А если честно, то я больше никого не видел из медицинского персонала, который бы распевал песни, как она. Да и вообще кого –либо, кто бы распевал песни с утра пораньше.

И вот совершилось, в начале ноября меня взяли на операционный стол. Сердце моё замирало от предстоящего, всю ночь я не спал, как и моя мать. Мысли о ней меня покинули. Да и кто она такая, что б я думал о ней. – «Она – то обо мне врят ли думает. Я для неё один из многих, к кому она просто колит пальцы».– Думалось мне.

Утро настало, серое и не приветливое, как и вчера. Дни были похожи один на другой. Я ждал всё утро и весь день, но меня не звали я начал нервничать. – «А вдруг они не подойдут мне. Врач говорил о тканевой или как это называется не совместимости. Ещё о том, что этот вид пересадок органов ещё не так хорошо освоен в нашей стране, что это очень долгая и тяжелая операция».– Меня это не успокаивал, и естественно я злился, бесился и срывался на матери.

И только в 11 ночи меня взяли на стол, последнее, что я помню это то, как кто-то сказал: – Не бойся, парен, всё будет хорошо.– А потом я заснул и мне снился сон...

*Я не сумасшедший. Просто моя реальность отличается от твоей.
Чеширский Кот (с)*

Глава 5

Открыв глаза, я увидел всё как в тумане, кафельные стены, потолок и свет, прям, бьёт в открытые глаза. Отвернув голову от ослепляющего источника, я увидел синий халат, и он почему-то дергался. Приглядевшись, и наведя чёткость я понял, что это хирург, а не просто халат. Я ничего не слышал. И меня это пугало. Я всё видел, но не слышал, будто я оглох. Я даже не мог понять живой или нет. Повернув голову и посмотрев на себя вниз, я вправду увидел себя и меня чуть не вырвало.

Там был я, точнее мое тело. Меня разрезали точно посередине, вся моя грудная клетка была нараспашку, я видел, как отсекают мои измученные легкие, медленно, но в тоже время быстро. И тут я увидел своё сердце, когда легкое приподняли. Оно билось, и оно было совсем не таким как я его представлял.

Мне стало по – настоящему страшно, будто это вовсе не моё тело.

«Стоп, а кто же тогда я?– Подумал я.– Если я вижу себя, это тело. Не себя. Кто я? Я – это я?». – Я приподнял руки, точнее я думал, что руки, но увидел лишь слегка мерцающие очертания рук. Мои руки, которые телесные, так же лежали на столе, еще и раскинутые и закрепленные зажимами, что б наверно не падали.

«Я что умер?! Нет. Сердце-то стучит, значит, не умер. Но, тогда, как же так, что я вижу себя? И сколько время?» – Мне вдруг стало жизненно важно знать, сколько время, почему-то что-то мне подсказывало, что это крайне важно. Взглянув наверх, где потолок, и где светили лампы, я стал шарить по стенам и наткнулся на часы. Они висели, прямо над столиком, на стене. Время было без пяти 3 ночи.

Меня пробрал холод, я не мог понять, что меня так пугает. Света было много, вся операционная и коридор за ней был освещён, но эта тишина, как в вакууме. Стрелки медленно двигались к трём. Всё моё внимание было приковано к ним, мне даже перестало интересоваться, что делают с моими легкими там внизу.

И вот как только стрелка встала на 3-х, мне вдруг вытащили пробки из ушей и я слышал всё: как пищит прибор, следящий за моим сердцем, как хирурги переговариваются в операционной, как жужжит электричество в лампах над головой, как дышат люди и я сам, на столе.

Вот стрелка сползла с тройки всего на одну единичку, и меня охватил такой озноб, будто меня окунули резко в ледяную воду с головой. Я стал задыхаться, хотя я и не дышал вовсе, но я понимал, что задыхаюсь. В глазах потемнело, и заплясали темные круги, я пытался дышать, но не мог, нечем было. Когда я, наконец, смог вдохнуть, темнота в глазах стала просветлять. Сначала опять было всё как в тумане, а потом я увидел...

Они взялись, будто из воздуха, их было столько же сколько и медицинского персонала в операционной. Заняв позиции возле людей за спинами, они хищно улыбались и скалили зубы. Я зажмурился, не веря своим глазам. Затем вновь открыл их, но ничего не изменилось. Они были всё тут же.

– Возьмите кровь на газы.– Сказал один из хирургов. Медсестра, тут же подошла к моему телу и набрала кровь из катетера, который был в моей руке. Отойдя от операционного стола, она пошла к выходу из операционной, а это существо последовало за ней.

«Они что не видят их?– Подумал я. И понял, что совершил ошибку. Один из этих существ повернул ко мне голову и посмотрел, прямо на меня.– Он видит меня?!»– Воскликнул я мысленно. Существо хищно улыбнулось мне, обнажая два клыка, что были вверху и, показав длинный алый язык, перевел взгляд на стол, где был я настоящий. Или может я настоящий был сейчас, здесь.

Существо подошло, у него были ноги, и он был босиком, к операционному столу, где хирурги извлекали второе легкое из моего тела. И вот в свете лап, что были над операционным

столом, я его рассмотрел. Он был похож на человека, лицо, руки ноги, он был абсолютный голый, как и я сам, но почему-то я подумал, что это именно он, хотя по половым признаком я не мог его идентифицировать, так как их не было.

Кожа его была смуглой, как у негра, но он не был негром, это был как будто загар, но неизвестно какой природы. Он вновь посмотрел на меня, и я рассмотрел его лицо, оно было твердым, глаза черные и поблескивают каким-то неясным оттенком красноты. Нос большой и раздувается, будто он принюхивается к чему-то, рот тоже большой и губы слегка дрожат, обнажая виднеющиеся от туда клыки, довольно большие и немного желтые.

Я уже догадываюсь к чему он принюхивается. – «Он нюхает меня?!» – Думаю я. Вот он поднимет свою руку, и я замечаю, что пальцы его руки, очень длинные и заканчиваются ногтями, такими же желтоватыми, как и его зубы. Он вновь смотрит на меня и тянется к моей левой руке. Хирурги, медсестры, никто не видит его, да и как тех, что стоят за их спинами. Все молчат и люди, и эти странные, неизвестные мне существа.

Всё происходит очень медленно, мне кажется, время остановилось, может так оно и есть, я не чувствую себя. Вот он дотрагивается до моего обнаженного плеча. И я чувствую это прикосновение. Я, который вне своего тела. Его рука теплая, даже можно сказать горячая, она жжет меня. Сначала это терпимо, но чем дольше он держит свою руку на моём теле, там горячее мне становится. Появляется боль, что расплзается как пожар, охватывая всё плечо, и спускается ниже к локтю и запястью.

Боль становится не выносимой и я кричу, но меня никто не слышит, кроме этих существ. Существо лыбится, обнажая ряд своих желтоватых зубов и отпускает руку. На моем теле, ни пятнышка, но вся моя рука горит огнём.

–Что тебе надо?– Хрипло спрашиваю я у него. Существо молчит и лишь продолжает лыбиться мне. Вот другие его соплеменники или кто они ему, начинают, проделывают тоже самое с живыми людьми. Они кладут свои руки на плечи людей, наклоняются к их ушам и что-то шепчут, как мне кажется, потом я понимаю, что они не шепчут, а облизывают ушу своих «жертв» свои длинными алыми языками. Люди вздрагивают и поводят руками, пытаясь отогнать их, не видя их. Но я то их вижу.

Вот это существо вновь приближается к моему телу.

–Нет!– Кричу я и бегу к нему. Существо ехидно смеется и проводит своим ногтём – когтём по моей руке от ключицы вниз, по руке. Я вновь чувствую как горячая лава, катится по моей руке. Я кричу.

–Нет, остановись!– Молю я. Существо смеётся и высовывает свой язык. – Что тебе надо?!– Вновь кричу я. Тварь только смеется. Я добегаю до него, когда боль немного утихает, и пытаюсь схватить и оттащить от своего тела. Он лишь смеётся и ускользает от меня, так быстро, что я даже не успеваю проследить за его движением. А он уже в конце операционного стола, где мои ноги, и бедра прикрыты простыней. Он сдергивает простыню, хотя она всё так же на месте, но я вижу свои голые ноги.

Я бегу к нему, но эта тварь успевает провести своим когтём по моей правой стопе и я падаю на кафедру, но не чувствую боли от удара об плиты, зато жжение стопы и пальцев вполне осязаемо. Существо не даёт мне возможности встать с колен, оно продолжает издеваться при этом, теперь оно еще и смеётся так ехидно и с каждым моим криком, его черны глаза, всё больше приобретают алый красноватый оттенок, оно распалается всё больше.

Одним большим прыжком, он оказывается возле моей раскрытой груди и на секунду замедляясь, хватая рукой моё бьющееся сердце. Я охаю от неожиданности и боли. Существо сжимает его в своих руках, и я вижу, как оно «ломается» в его руках, как по его загорелой кожи течет моя кровь, я задыхаюсь. Меня охватывает паника.

Боль становится невыносимой, но я понимаю, что не могу отключиться иначе... «Что иначе?»– Спрашиваю я себя. Я не знаю, что, но знаю, что не могу отключиться иначе.– «Оно

поглотит меня...?» – Я бросаю взгляд на стену, где часы. Прошло всего 15 минут, если верить часам, а может и меньше. А мне кажется вечность.

Тем временем другие твари развлекаются с другими своими жертвами, они проводят своими ручонками с когтями по таким местам тела, где недопустимо никому без разрешения самого человека. Люди нервничают, всё больше растёт раздражения. А моё тело там внизу, оно, кажется, бьётся в конвульсиях.

– Остановка! – Кричит кто-то. Я сморю на руку существа, где моё сердце. Существо уже не смеётся ехидно, оно хохочет и мне становится страшно. Я абсолютно беспомощен и там и здесь.

– Уйди! – Кричу я на него, удивляясь, что ещё жив. Тварь пересватает хохот и впивается в меня взглядом. Оно разжимает руку и моё сердце, падает, как выжитый фрукт. Я чувствую судороги своего тела и приступ удушья, легких-то нет.

Существо смотрит на меня, наклонив голову на бок, и будто думает, как ещё меня помучить. Я осознаю, что я в его власти и ничего не могу сделать. Это бесит, и я начинаю злиться. И как только это накатывает на меня, тварь оживает и вновь ехидно улыбается, будто прочитав мои мысли или может, ощутив мои эмоции.

Я не успеваю ничего предпринять, а тварь уже вновь бежит к концу операционного стола и хватается меня за то самое место. Я вскрикиваю и выгибаюсь дугой, падаю на пол и корчусь там. А оно наслаждается моими страданиями.

– Уйди. – Шиплю я сквозь зубы, а он только хохочет. На операционном столе меня спасают, и я вдруг понимаю, что я должен попасть обратно в своё тело. Я вскакиваю, существо вскакивает на операционный стол. Его никто не видит, но я вижу. Я понял, что оно задумало. Я вскакиваю так же на стол, на себя самого. Но я это ничто, как и это существо.

Его ноги топчет мой живот. Мне больно, всё жжет огнём, от его ног. Я хватаю его за руку и пытаюсь его скинуть со стола и с себя. Но он силён, не хочет слезать. Он вцепляется своими когтями мне в руку, мне кажется, его ногти пропороли мне и кожу и мышцы и вены. Я не обращаю внимание на боль, ведь я борюсь за свою жизнь и своё тело.

– Есть пульс! – Кто-то говорит. – Аритмия. – Из последних сил я скидываю его на кафель и ныряю в отверстие в моем теле через грудь. Сначала я ничего не чувствую потом одну сплошную боль, я кусок боли и больше ничего. Мои веки закрыты, но я всё вижу сквозь них и слышу. Я реально их слышу. С моих губ срывается стон, реальный, не тот, что был там.

– Он просыпается! – Кто-то кричит, как мне кажется в мое ухо. Чьи-то пальцы дотрагиваются до меня, через пару секунд, я чувствую, что вновь проваливаюсь в сон.

«Нет! Нет!» – Кричу я. – Я не хочу обратно туда. К этим тварям. – Нет!» – Но меня засасывает в пучину темноты. Я вновь там, по ту сторону своего тела, но их нет. Смотрю на время. Полседьмого утра. «Я так долго...» – Начинаю я думать, но меня вновь забирает тьма и я отключаюсь.

*Я мыслю, следовательно, существую.
Блаженный Августин (с)*

Глава 6

Не знаю, когда я очнулся вновь и сколько я спал, но первое, что я почувствовал, это была боль в груди. Она болела вся, жгло, как от прикосновений той твари. Меня передернуло внутренне от воспоминаний. «Но если я чувствую боль, значит, я жив?» – думаю я. Чтобы убедиться, я пытаюсь поднять руку. Мне это удаётся, но со второй попытки.

– Жив. – Шепчу я сам себе и вновь отключаюсь. Прошло довольно много времени, прежде чем меня перевели в отделение и когда я вновь её увидел. Был на удивление один из солнечных дней осени, и я так хорошо себя чувствовал, что давно со мной не было.

– Доброе утро. – Сказала она, как всегда влетев в палату.

– Доброе. – Ответил я.

– Вижу, сегодня вы по-лучше чувствуете себя. – Говорит она, а не спрашивает.

– Да. – Отвечаю я всё равно.

– Колотья. – Продолжает она. Я протягиваю ей ланцет и ладонь.

– Я? – Удивляется она, но берёт ланцет в руку. Я молчу, лишь смотрю на неё. Взгляд её опущен, и я замечаю, что у нее ресницы настоящие, черные и длинные. Она протирает палец, а я всё смотрю на неё и не могу понять, но что-то меня привлекает в ней. Я чувствую, как от неё идёт какая-то волна, она дурманит меня, и мне хочется, чтобы она прикасалась ко мне.

Вот она берёт мой палец и, приставляя ланцет, щелкает им. Боли почти нет от прокола, она кладёт его рядом с моим бедром, а сама набирает кровь, как 50 раз до того. Прикладывает ватку к моему пальцу и сгибает его. Возможно, неосознанно или на автомате, но я замечаю эту перемену. Раньше она только прикладывала ватку и говорила...

– Усё как всегда. Вы знаете. Я хочу сказать, чтобы она не «выкала» мне, но она уже уходит, а я смотрю на пол, куда сквозь жалюзи просачивается осеннее солнце. Середина ноября. «У меня новые легкие. – Думаю я и улыбаюсь. – Как легко дышится». Но моя радость длилась недолго, но об этом я потом узнал.

Я жду её прихода с нетерпением, сам не знаю почему. Может оттого, что день солнечный, может потому что мне легко дышится, а может и то и другое. Она приходит как всегда, я подаю руку, она потирает палец и спрашивает:

– Где дырявка? – Я показываю на тумбочку. Она смотрит, но не видит её.

– В ящике. – Поясняю я и приподнимаюсь с кровати.

– Сидите. Найду. – Говорит она. Голос её громкий и немного раздраженный. А может мне кажется. Я обижаюсь. Глупо конечно, но меня это задело. Даже не знаю что именно. И она находит, подставляет к пальцу и пробивает отверстие. Кладет обратно на тумбочку, но не в ящик и набирает кровь.

– Какой был сахар? – Спрашиваю я лишь бы услышать её голос.

– 11,5. – Отвечает она. – Не очень хорошо. – Добавляет она, прикладывая ватку к пальцу. – Вытирайте.

– Что ты всё ко мне на «вы»? – Спрашиваю я намного грубее, чем хотел. Я вижу, как она растерялась на пару секунд, и кажется ей неприятно, что я так обратился к ней. Затем она говорит немного глухим голосом:

– Не положено. – Смотрит на меня. Не знаю, какое выражение лица у меня, но я лишь говорю:

– Ясно. – И усмехаюсь. Она опускает взгляд, но я успеваю заметить, как глаза её полыхнули, а через секунду я убедился в том, что не только глаза полыхнули, но и она сама, то, как она закрыла за собой дверь. Та хлопнула так, что даже стекла задрожали, хотя не исключая и того, что это просто эффект сквозняка, ибо окно в палате было немного приоткрыто.

А в выходные дни мне стало немного хренова-то, и когда в понедельник она пришла, я, как всегда лежал в кровати и еле шевелился.

– Доброе утро. – Сказала она, входя с порога, но бросив на меня взгляд, добавила: «Ага, не очень добра, как я посмотрю». Мама сказала:

– Да, что-то плохо спал все выходные. Я хотел возразить и сказать, что нечего ей об этом говорить. Я и так чувствовал себя слабаком. Но сил не было что бы говорить.

– Пальчик. – Сказала она, ставя коробочку на кровать возле меня. Я молча протянул её ладонь, не переворачиваясь с бока на спину. – А дырявка? – Как всегда она называет ланцет.

– Посмотрите в тумбочке. – Сказала мама. Я почувствовал, как всколыхнулся воздух, когда она резко перевела своё тело в сторону тумбочки.

– Нашла. – Сказала она и проколола мне палец. Её слегка прохладные пальцы через резиновые медицинские перчатки коснулись моего безымянного пальца. Три секунды и ватка на моём пальце, она сгибает его к ладони сильнее, чем обычно и прижимает его к моей ладони, задерживая свою руку опять же дольше, чем надо, или мне только это кажется. Я хочу повернуть голову, но не могу. Нет сил.

– Мда... – Слышу я еле слышимое её из её уст. «Она жалеет меня». – Думаю я и начинаю психовать из-за своей беспомощности. Через неделю меня выписывают, хотя чувствую я себя не совсем хорошо, но и не плохо. Я хочу попрощаться с ней, но во-первых, я даже не знаю её имени, а во-вторых – кто сказал, что я ей интересен и ей нужно это прощание, как и мне. И вообще, мне только всё показалось. Я не могу заинтересовать такую девушку, как она. Она здорова и наверняка не одна.

С такими мыслями я покинул это заведение, но не навсегда. Ибо не прошло и месяца, как вновь в нём оказался. И вновь её увидел.

*Моя главная проблема в том, что я часто говорю довольно правильные
и разумные вещи, а жить продолжаю как глупая дура.*

Автор неизвестен

Глава 7

Прошло всего 3 недели после того, как я выписался и вот я вновь здесь. Почти середина декабря, скоро новый год. Хотя мне сказали, что в легком, уже в новом образовалась гематома, но я её не чувствую. Хотя конечно, кислород и таблетки, я все так же потребляю в свой ежедневный рацион.

Сначала она не приходила, а затем пришла вся в белом, до этого она ходила в каком-то цветастом, абстрактном костюме, а сейчас... Зайдя в палату, она сказала:

– Что-то вы к нам зачастили. – Как всегда на вы и как всегда громко и... Она смотрела, прямо на меня, в глаза и её глаза сияли. – «Она что рада меня видеть?» – Удивился я.

– Да. Гематому нашли в легком. В новом.– Сказал я.

– Да... – Её лицо стало серьезным. Она показалось, расстроилась, услышав это. Вздохнув, она сказала:

– Колоться.– Я, молча, притягиваю руку и понимаю, что хочу сказать, что я по ней скучал. – «Стоп, я, что вправду по ней скучал?» – Спрашиваю я себя и впииваюсь в её лицо взглядом.

«Почему он так сморит на меня?» – Думает девушка.

«Интересно как её зовут? Я так и не спросил». – Продолжают мысли юноши.

«Он что мне нравится? Нет, исключено. Что в нём такого? Но, меня притягивает к нему».- Думает она.

– Вытирайте палец. – Говорит девушка. Уходит.

«Пыф. Какой ужас не хватало мне ещё, влюбится в пациента. Глупость, какая». – Одергивает она себя и идет дальше. – «Но, почему тогда я так рада его видеть сейчас. Он же светлый, русый. Я блондинов не люблю. Так он и не блондин вовсе. И глаза. Глаза серые и такие дикие, как у затравленного зверька. Я поняла мне просто его жалко. Вот и всё. И он мне не нравится».- Убеждает она себя.– «Но, я чувствую, что что-то такое идёт от него. Конечно, он же не такой и старый. Тело молодое и все такое... Фу, какая мерзость, о чём я только думаю...» – Чувствует, как чуть-чуть алеют щёки.– «Извращенка!» – Ругает она себя.– «Что? Я? Нет! Это он так всегда на меня смотрит...»

В 12 часов зайдя к нему в палату я увидела, что он сидит, а на кровати возле него на блюдечке порезаны кружками киви.

– Хм...– Сказала я вслух и поставила лоток на тумбочку.

– Хочешь?– Спросил он у меня. – «Хм, почему он всегда обращается ко мне на «ты»? А я к нему на «вы»?» – Подумала девушка.

– Не могу. Сами ешьте.– Ответила я. – «Ёще чего удумал!»

– Я могу тебя покормить. – Сказал он, я поперхнулась, учитывая, что в палате был не только он, но и его мама. А он так смотрит, бровь приподнял и какое-то ехидное выражение лица. – «Хм, у него щетина». – Вдруг заметила девушка. – «Такая же светлая, как и волосы на голове и руках. А на ногах темнее. Бр... Что за бред я думаю».- Мотнув головой и на его предложение и на свои мысли она сказала строго:

– Палец. – Он вздохнул, кажется, разочарованно и протянул палец. Дотронувшись до него, я вновь испытала это ощущение тяги. – «Тьфу ты!» – Ругнулась девушка, беря кровь.

– Всё. – Сказала я вышла из палаты. – «Отлично теперь я ещё и из-за него не сплю ночами.– Сказала я сама себе.– Нет. И нет».- Идя по коридору к другим пациентом ругала я себя или образумливала. – «Но, а с другой стороны, что он в жизни видел? Ничего. Больницы, палаты и всё. Это ужасно. Что если я могу немного разнообразить его жизнь? А он тебя об этом спросил? Ты видела его взгляд. Взгляд затравленного животного...»

*– Не ходи туда, там тебя ждут неприятности.
– Ну как же туда не ходить? Они же ждут.
Котёнок по имени Гав (с)*

Глава 8

«Может, всё же не стоит?» – уговаривала я себя. Вот так всегда: сначала приму решение, а довести дело до конца не могу. «Трусиха!» Зайдя в палату, где было полутьма, потому что все еще спали, я прокашлялась.

– А, это ты? – сказал он.

– Доброе утро.

– Доброе. – отвечал он. Его мамы не было в палате. «Это мой шанс». – подумала я.

– Палец. – с усмешкой сказал он. «Наверно, не надо?» – подумала я в очередной раз.

– Угу. – сказала я вслух. «Или надо?..» – думала я, пока протирала ему палец и брала кровь.

– Всё. – тихо сказала я. «Ну же, решайся». – подбадривала я себя, моё тело автоматически делало свою работу. Вот я встряхнула пробирку с кровью, поставила её в лоток. «Секунда, и я уйду, не сказав...»

«Она как-то напряжена». – подумал юноша. «Может, что-то случилось?»

– У тебя всё хорошо? – спрашивает молодой человек у девушки. Она смотрит на него, глаза большие, и видно, что она взволнована.

– Да. Всё хорошо. – отвечает она и вздыхает. – Я... – говорит она.

– Что? – спрашивает он слишком резко, наверно.

– Ничего. – говорит она так же резко, как и он до этого. Берёт коробочку в руки и идёт к двери. «Не уходи. Что с тобой?» – хочет спросить он, но молчит. Вот она останавливается и резко поворачивается и говорит:

– Не хотите в кино? – Лицо её кажется бледным, и глаза лихорадочно блестят, грудь быстро вздымается, хотя ни один мускул не дрогнет на её лице. Юноша в шоке и не знает, что ответить.

– Ладно, вы потом скажите. Я потом приду. – говорит она и улыбается. Выскакивает из палаты.

«Она что, пригласила меня в кино?» – переспрашиваю я себя. Заходит мама. Наверно, на моём лице удивление, потому что она спрашивает:

– Сын, с тобой всё хорошо?

Да, если не считать, что меня только что пригласили впервые в жизни в кино, совершенно незнакомый человек, девушка... И я, как баран, молчал. Хорошо, что хоть не мычал.

– Да... – медленно говорю я.

– Точно? – наклоняясь надо мной, спрашивает мать.

– Да. – раздраженно говорю я, и она отходит. «Блин, почему я так груб и не сдержан?» – спрашиваю я себя и понимаю, что веду себя как отстой. «Ей, наверно, жалко меня, вот и всё. Мне не нужно, чтобы меня жалели! – возмущаюсь я, лежа на кровати и смотря в потолок. – Да? А чего ты хочешь?» – Я вспоминаю её растерянное лицо, когда спросил, почему она «выкает», тогда я увидел на секунду её без этой холодности, за этой маской «Доброе утро» и шуточек в мой адрес. «Хм, сколько ей лет? Нет, да вообще, разве у неё нет парня? И всё же зачем она это предложила?»

Я сажусь резко в кровати. «Я сойду с ума! Время! Сколько время?» – Лезу за мобильником. «О, уже пол-двенадцатого. Она придёт, и что мне отвечать ей?!» – Падаю обратно в кровать. «Может, уйти, спрятаться у соседа? Она поищет и уйдёт». – думаю я. «И тогда точно больше не будет задавать таких вопросов. Ты же хотел узнать, как её зовут. Я могу это спросить и у медсестёр, они наверняка знают. Это будет трусливо с твоей стороны...»

Сложно быть мной. Сложно жить, когда у тебя в голове драконы рядом с бабочками, садизм- с застенчивостью, а разврат – с хорошим воспитанием.

Автор неизвестен

Глава 9

«Блин, блин и блин. Может тетю Инну попросить сходить в 12? Ага, а в три тебе всё равно идти».— Паниковала я.— «Ну, блин. Я не могу. Я покраснею, если туда приду. И притом, его мама... Он ей сказал? И вообще. Нельзя. Соблюдай субординацию. Раньше надо было думать. Блин... О, Боже уже без двадцати 12, надо идти. Пойду в 12, а если его не будет в палате, значит не судьба, а в три уже Инна пойдёт. Вот, какая я умная. Чёрт!»— Я нервно дернула себя за волосинку, около виска. — «Приди в себя. Что ты трусишь, да? Сама кашу заварила, сама её и расхлебывай. Человек будет сидеть, ждать... А что разве он будет сидеть и ждать?»

— Лилиана.— Позвала меня Аня.

— А?— Спросила я, поворачиваясь к ней на стуле.

— Сколько сегодня сахаров?

— Двадцать. — Отвечала я.

— Понятно. Как всегда.— Ответила девушка.

— Ага.

— Ты какая-то дерганная.— Сказала Аня.

— Да нет. Скоро новый год. А они всё прут и прут.— Сказала я, пытаюсь успокоиться.

— Хах. Это ж так всегда. Предновогодняя лихорадка.

— А качество дела?— Возразила я.

— Об этом уже никто не думает.— Сказала она тихо, наклоняясь ко мне со своего стула, на котором сидела.

— Ладно. Надо идти за сахаром.— Ответила я и вскочила на ноги. — «Ты же хотела идти ровно в 12».— Напомнил мне голос, но я уже вышла из лаборатории, шла к двери. — «Успокойся».— Идя по коридору, я нажала на кнопку вызова лифта и стала ждать пока тот приедет. Не то что бы я была ленива и не могла пройти пешком, но в тот корпус, куда я собиралась идти, можно было попасть только через переход, а лестницу не предусмотрели. Как это обычно, если кому-то поплохеет, то ждать лифт...

Но сейчас я даже была этому рада, ибо я ... — «Трусиха!— Ругала я себя.— Что довольна кто тебя за язык тянул? Да и притом, у тебя обязанности и долг перед семьёй...» — Лифт приехал, хорошо, что пустой. Зайдя и нажав на минус первый я поехала.

Что больше всего люблю в себе, так это некую свою тормознутость. Обычно в стрессовых ситуациях я не впадаю в панику сразу, как все, а стою как истукан или делаю на автопилоте, что делаю всегда. Вот и сейчас, чем больше я думала о ситуации, в которую сама себя и поставила, тем спокойней были мои действия.

«А может он откажется. А если нет? Если нет, то его мать точно будет против. И я пойму её».— Говорил мой разум. — «И самое смешное, я даже не знаю, как его зовут. Только фамилия Мелов.— Продолжили мысли, мне стало смешно, и я хмыкнула своим мыслям.— Хотя какая разница, как его зовут или меня. Имя ничего не значит. Моё имя точно не будет запечатлено в веках. Помнят Гипократа, но не того, кто жил рядом с ним в ту эпоху, знают лишь тех, кого успели написать на клочке бумаги, на папирусе, выдолбить на глиняной пластинке или нацарапать на коре дерева... Хм, философские сдвиги».— Мои ноги шли в другой корпус, туда, где был он. — «Оставлю его на «десерт»».— Решила я и принципиально не пошла в его палату.

Я сидел и ждал её. Конечно, это глупо и всё же мне кажется, что я ей нравлюсь. — «Нет, ну, что за бред. Как я могу ей нравится?» — Я встал с кровати и пошаркал в ванную комнату, включив свет, я закрыл дверь и посмотрел на себя в зеркало, что было над раковиной. — «И на что я только надеюсь?»— Спросил мысленно я своё отражение.

Худое, с впалыми щеками и четкой линией скул лицо, всклокоченные светлые брови и волосы, щетина, которая каким-то макарон растёт, что меня самого крайне удивляет. Что мне нравится в себе это нос, не знаю почему, но нос мне нравится, все остальное... так себе. Расстегнув кофту, что была на мне, я посмотрел на свою перештопанную грудь и вспомнил сон, если это был сон.

Я никому не рассказал о нём, сначала потому что не мог, не было сил и всё смертельно болело, сейчас болит меньше, но говорить всё равно не хочется. А потом, когда выписался в первый раз чувствовал себя будто «заново родился», страхи и сны ушли на второй план. Я просто радовался жизни, конечно с ограничениями и с целым вагоном запретов и лекарств.

А вот сейчас, когда я снова здесь и жду, когда найдётся время и очередь дойдёт до меня, что бы меня вновь тщательно обследовать и решить, что делать с этой фиговиной в новом лёгком, я не знаю, кому это рассказать и стоит ли.

Матери? Да, мать, это всё что я видел в жизни, в этой реальной жизни. Она была всегда. Я так привык к ней, что не заметил, как она состарилась и что она тоже несчастна, но она смирилась с этим. С тем, что у неё такой ребенок, то есть я. Меня бесит иногда само моё существование, а ещё, то что генетически запрограммирован на то, что бы умереть, от этого муковисцидоза. Я страдаю диабетом тоже по его вине, и я ненавижу себя, ибо не могу убить себя, потому что я трус и потому что сейчас это будет эгоистично в двойне. Я убью не только себя и мать, я убью того, кто подарил мне эти легкие.

Я никогда не спрашивал у своего лечащего врача, чьи это легкие, кто бы этот человек и почему умер. Я был так рад, что буду жить, что я не подумал о том, что может это человек тоже хотел жить и что его кто-то ждал, а он не вернулся и теперь часть его во мне. – «Может это карма и эти легкие не хотят мне «служить» потому что я не достоин их?» – Иногда спрашивал я себя и... Я не знаю.

– Мелов? – Услышал я голос. – «Это она!» – Моё сердце подпрыгнуло и я, развернувшись, поспешил, насколько мог быстро из туалетной комнаты. Когда я вышел, её уже не было. – «Да с её скоростью за ней не угнаться... – Подумал я тогда и вдруг понял. – Я должен отказаться. Я буду смотреться глупо рядом с ней... Но, ты хотел бы ведь так...?» – Я замер в нерешительности выйти ли в коридор и сказать, что я здесь или дожидаться, когда она уйдёт. Я направился к двери, но та вдруг резко отварила и на пороге появилась она.

– Ой, елки! – Воскликнула она. – Вы где были, я вас пропустила.

– Я был немного занят. – Ответил я.

– А, ну, это было важное дело. – Она смеялась, хотя голос был серьезным. Я отвернулся и зачепил дверь в палату, впервые мне захотелось, что б матери там не было, но...

– Она тебя искала. – Сказала мама, видя меня. И я понял, что не смогу ничего изменить. Она как обычно поставила коробочку на кровать, обработала руки антисептиком, намочила ватку. Я протянул руку и, не опустив взгляд, ждал, когда она возьмёт кровь и уйдёт.

«Интересно что он решил? Наверно – нет. Вот и правильно». – Подумала я, беря в руки ланцет, мои руки тряслись, и я нечаянно его уронила. Ланцет упал на пол, и закутилась под кровать.

– Елки палки! – Непроизвольно вырвалось у меня, присев на корточки, я заглянула под кровать.

– Ничего, я потом достану. – Сказала его мама. Он молчал, а я лихорадочно думала что предпринять.

– Да не, прям под самый плинтус. – Сказала я и одним неуловимым движением растянулась на животе. А он наблюдал, как мое тело уползает под кровать, я чувствовала его взгляд на себе.

– Ну, что вы...! – Воскликнула его мать, вставая.

Прошло не более тридцати секунд, как она нырнула под кровать и вот она уже вновь выползает. Я смотрел на неё и мои мысли стали путаться.

– Я как всегда... – Пыхтя, сказала она и поспешила поднять голову, ударилась затылком об край кровати.

– Ай! – Вырвалось у неё, и она оказалась около моего левого колена. Жмурясь от боли, она слегка потеряла координацию и начала падать на меня. Я протянул руку и дотронулся до её плеча. Впервые я дотронулся до нее не через перчатки, а через ткань её медицинской одежды.

– Давай помогу. – Хрипло сказал я.

– Да я сама. – Возразила она, приподнимаясь с колен.

– Болит? – Спросил я.

– Ничего меня так просто не убить. – Весело ответила она. Я хотел дотронуться до её затылка, но она была в шапочке и уже слишком далеко от меня, чем секунду назад.

– Право не нужно было вам тут лазить. – Сказала моя мама.

– Ничего, зато физкультура. – Всё так же позитивно говорила она, хотя что-то в её глазах говорило мне о другом или мне просто так хотелось видеть. Обработав перчатки антисептиком, она сказала:

– Продолжим. – Я протянул ладонь, она уколола палец... – «Если я соглашусь, то к чему меня это приведёт? Ведь это же просто кино. Нет, это не просто кино, это поход в кино с девушкой...» – Думал я в те секунды. Напряжение между нами было ощутимым, она наверно тоже задавалась, тем же вопросом, что и я. Я спросил:

– Как тебя зовут? – Она вскинула бровь, ответила:

– Имя ничего не значит, как не назови Маша, Света, Даша, нас таких сотни и мы ничем неотличимы друг от друга. – Я растерялся, а она как всегда, поместив пробирку в коробочку, и уже взяла её, я видел в её глазах не то разочарование, не то облегчение.

– Я согласен. – Выпалил я. Она остановилась и посмотрела на меня. В её глазах металось сомнение и противоречие.

«И что мне теперь делать?» – Подумала я, глядя на него, вдруг я поняла, что пялюсь на его обгаженную грудь и понимаю, что у него оказывается даже есть пресс? – Но это тут совсем не к месту».

– Хорошо. – Медленно сказала я. – Эту тему надо обсудить более подробно, но не сейчас. – Добавила я.

– Сёрёж не задерживай человека. – Вмешалась его мама. – «Угу. Его зовут Сёрёжа, ну это не совсем плохое имя».

– Когда?

– Учитывая, что вы мало выходите из своей палаты, это будет сделать сложно. – Ответила я.

– Ты придёшь в три часа? – Спросил он. – «Хм, ну теоретически я могу ходить в три часа за сахаром...» – Я посмотрела в его глаза, глаза затравленного зверя и кивнула.

– Приду. – Буркнула я. – А сейчас мне надо идти. – Его взгляд прямо смотрел мне в душу.

– Я буду ждать.

– Ждите. – Только и ответила я уже в коридоре. – «Ну, замечательно!» – Ругала я себя, несясь по коридору обратно в лабораторию. – Шуры муры с пациентом. Никакие это не шуры муры. Я просто пригласила его в кино.... Но, что это значит для него? А что это для него значит?» – Я резко остановилась, вдруг осознав.

«Нет, не может быть! Он же не считает что это свидание?!» – Мне стало и смешно и грустно одновременно. – А ты сама подумай, парень молодой и что, что больной, он же парень, и наверни – ка у него никогда не было свиданий или вообще личной жизни. Это точно, когда

рядом с ним постоянно мама. А тут ты со своим предложением... Не, стопэ, я предложила кино, а не свидание и уж тем более...» – Я потрянула головой.– «Просто кино».

Там где не было солнца, там будет рассвет...

Там где тихая гавань забытой мечты, будет так близка, но через очки....

Zivert, Зеленые волны (с)

Глава 10

«Да, она согласилась. Да, да». – Почему-то меня это так радовало. Но была одна «маленькая» проблема. Меня могут не пустить отсюда, и вообще... Я посмотрел на маму, она что-то читала в телефоне. «Мама, я так хочу иногда умереть, что тебе, наверно, сложно будет понять меня, если я скажу ей о том, что я иду куда-то...» – Потом мои мысли омрачились тем, что без инсулина я ограничен в пространстве, как и без кислорода. «Ничего не выйдет». – Продумал я, и моё настроение стало просто отвратительным.

Она пришла в три, как и сказала. Я был в скверном настроении, но всё же передал ей записочку с номером моего мобильного, а как ещё мы могли общаться? Она заметила моё состояние и без лишних вопросов просто взяла кровь и ушла.

Мне стало холодно, и я укрылся под одеялом. Вечная жара, что меня мучила, ушла, а может, всё дело лишь в том, что я хотел ей сказать. «Неизвестно, когда она мне напишет. Так что придётся ждать». И я стал ждать, прошло часа 3, а может 4, это не имеет значения, прежде чем я получил сообщение:

«Здарова!» – Я, конечно, не сразу понял, что это она, ибо на аватарке была не её фотка, а какая-то рисованная индейская девушка с копьём. «Хм, в её стиле». – Подумал я и улыбнулся.

«Привет». – Ответил я.

«Давай ближе к делу». – Написала она. Я хмыкнул, такая же манера, как и в работе.

«Ты не на работе».

«Нет. Еду домой». – Пришёл ответ.

«Далеко живешь?» – Спросил я.

«Я же попросила...» – Прислала она.

«Ок. Я подумал, что вряд ли получится...» – Я ждал, что будет скандал или крики. Вообще не особо умею общаться с девушками, ну, сами понимаете. Хотя, конечно, интернет мне в этом помог, и там у меня куча друзей, как женского, так и мужского пола, но ни одного, кого бы я знал вживую продолжительно, то, что мы иногда, «неудачники», встречаемся где-то на фестивалях или что-то в этом роде в нашу поддержку, это не общение «вживую».

«Я думала над этим». – Пришёл ответ.

«И?»

«Тут неподалеку в трех остановках на трамвае ТЦ, так кинотеатр. Это ближайшее место...»

«Но...»

«Да, есть «но». Ваше состояние. Сможете вы преодолеть его или лучше не рисковать, и компания».

«Ты имеешь в виду мою маму?»

«И это тоже».

«А что еще?»

«Хм... Извините, но инсулин, режим питания. Я вовсе не хочу нарушать его или чтоб вам где-то стало плохо». – Пришёл как всегда лаконичный и очень правильный ответ, что меня аж взбесило. «Блин, она такая умная, будто я сам не знаю!» – психанул я и написал.

«Я это и без тебя знаю». – Она ничего не отвечала минуты 2, затем прислала:

«Как остынешь. Пиши. И это вредно для меня». – Я сначала хотел ответить на её сообщение, потом перечитал. «Для нее?» – Это меня заинтриговало, и я написал:

«Может, на «ты» и для «тебя?»»

«На «ты» можно, но учитывая, что я все еще остаюсь неизвестным вам человеком, а вы мне, я предпочитаю пока на «вы». Да, меня. Я не описалась. Потому что мне хватает таких выкидочков от пациентов во время рабочего времени. В нерабочее время я не хочу этого слышать и ощущать. Завтра, когда я приду, если назначать вас колоть, то, пожалуйста, можете «рычать», я потерплю, но сейчас я отвечу на вашу грубость грубостью или съезвлю. Выберите». Сначала меня это удивило и немного привело в замешательство, она не была похожа на всех тех «друзей» из интернета, да и тех людей, что я видел воочию.

Учитывая, что она права и мои выкидочны, как она выразилась, именно терпят и врачи, и медперсонал, потому что это их работа. Но она была первая, кто мне это сказал в лицо, но так, чтобы не унижить меня. «Талант». – Подумал я и рассмеялся.

«Я понял тебя». – Ответил я ей и послал улыбающегося смайла, она ответила тем же и дописала:

«Поэтому подумайте насчет моих слов о кино и месте его пребывания, как решите, пишите. Я свободна в выходные. Ну, это вам и так понятно. Только в какой из выходных решите, и скажите мне. Спокойной ночи, Серый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.